

18+

IN HONORE MATRIS

IN CATHEDRA MAXIMAE

Евгений Матерёв

Психомахия

«Издательские решения»

Матерёв Е.

Психомахия / Е. Матерёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515788-1

Добро — благо для всех, зло — блага для одного. «А вот сделка с совестью не получалась — нечего оправдываться помутнением рассудка, азартом, наивностью и соблазном. Как только ты хочешь получить что-либо просто так, без труда, без преодоления, то эта мысль уже разлагает твою духовную основу».

ISBN 978-5-00-515788-1

© Матерёв Е.
© Издательские решения

Содержание

Секрет	6
Одержимый	10
Глава первая	10
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвёртая	18
Глава пятая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Психоматхия

Евгений Матерёв

Дизайнер обложки Денис Чернов
Корректор Венера Ахунова

© Евгений Матерёв, 2020

© Денис Чернов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5788-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Секрет

Петрович бежит позади, слева; краем глаза вижу, как мой тренер, взбираясь на холм, спотыкается, но всё-таки прокричал вдогонку: «Поднажми!» А у меня щёки горят от разочарования – что-то неладное происходит со мной: «Неужели встану? Неужели всё – закис¹?»

Со слов Петровича я узнал, что Бьёрн идёт за мной уже в двадцати секундах. Что такое для него эти двадцать секунд?! Ерунда!

Объезжаю «кругового²».

Отовсюду слышу, как народ стал подбадривать меня: «Россия!», «Серёжа, беги!». Размахивают флагами, дудят, кричат. Из-за нахлынувшего безволия, видя эту поддержку, мне становилось горше – будто вор я. Не хочу их, болельщиков, разочаровывать, расстраивать – иду напряжённо, из последних сил. Но надолго при такой ходьбе и концентрации меня не хватит – выдыхаюсь!

Между деревьями показался стадион; за поворотом надо сбавить скорость, привести дыхание в порядок – впереди последняя стрельба. Один неточный выстрел – и прощай, золотая медаль.

Бьёрн Норман дышит в спину – сейчас будет небольшой спуск с поворотом, и можно будет увидеть, как он переступает лыжами на вираже.

Когда мы подходили к стрельбищу, мой соперник деловито шёл чуть впереди – решил не отсиживаться за моей спиной – повлиять на меня психологически. Во всех его движениях чувствовалась уверенность хищника; я же – как кролик перед ним.

Одновременно мы стали отщёлкивать крышки на дулах ружей, почти одновременно заступили на коврики, а дальше Бьёрн в геометрической прогрессии стал отдаляться от меня.

Стадион замер. Признаюсь, не очень мне нравится, когда болельщики кричат хором, отмечая каждый выстрел твоего соперника – лучше стрелять одному или когда стрелков много. Попробуй не попади в «ноту», и возможен промах. Хотя... когда как... Заноза небольшая, и всё же.

Бьёрн закрыл первую мишень, вторую, а у меня только первое попадание, и то габарит прошёл³. Немного испортил «симфонию» Нормана, но эта бяка чуть было не отразилась на мне самом – второй выстрел случился без моего контроля – автоматически. В груди от этого похолодело; хорошо ещё, что попал. После чего третью мишень выцеливал чуть дольше обычного – брал себя в руки. Она закрылась.

За спиной послышались продолжительные овации – похоже, Норман «прошёл по пятам»⁴. Затем с двух сторон я почувствовал возню – Бьёрн оставлял меня, но уже не одного – слева изготавливался для стрельбы Магнус Мосс.

Нервы дали сбой, и это отразилось на следующем выстреле – снова габарит. Два глубоких вдоха – стоп! Остался последний выстрел! Сам не понял, как это случилось – нахлынуло сиюминутное безразличие, и, особо не заморачиваясь, выстрелил. «Пльвун сознания» – так я называю про себя это состояние; бывает у меня такая ответная реакция организма, если чересчур себя контролирую.

«Да что же ты будешь делать?! Это уже второй раз такое!» – поругался я на себя.

Действительно, в такой гонке это очень много. Усталость, эмоции! Да и гонка – такая! Идёшь, как по краю пропасти, и тебя сковывает страх ошибки.

¹ Физиологический спад.

² Отставший на круг.

³ Попадание, когда пуля задевает край мишени.

⁴ Стрельба без промаха.

«Сергей Дмитриев закрывает все мишени и пускается в погоню за Норманом! Качает головой Серёжа – не доволен собой. Но ещё не всё потеряно, не всё потеряно!» – надрылся комментатор.

Бьёрн уже прошёл первую после стрельбища отсечку и скрылся за разноцветными флагами болельщиков. Впереди только четыре километра бескомпромиссной борьбы. Тактика одна – бежать что есть прыти. Ничто больше не сдерживает, кроме усталости. А она-то как раз и пронизывала моё тело.

«Отче, прошу тебя, дай сил!»

Расстояние между мной и норвежцем не убывало; оно сокращалось между мной и шведом – Мосс шёл в пятнадцати секундах отставания. По телевизору смотришь – кажется, что расстояние между нами очень мало, особенно когда мы стали взбираться на холм. И правильно кажется – ведь преследуемый, то есть я, иду из последних сил – тку ковёр из собственных нервов.

Детский звонкий голос перекричал всеобщий галдёж и стук барабанов:

– Россияаа!

Этот детский голосок на некоторое время выключил меня из гонки – переключил на другие мысли. Я вспомнил Севу, который, не сомневаюсь, болеет сейчас за меня. Сжимает своими маленькими кулачками подлокотники инвалидной коляски, кричит, как будто я его могу услышать. Представил, как волнуется он, то подъезжая к телевизору, то откатываясь от него, не замечая на полу проводов...

Потом калейдоскоп мыслей привел меня в больницу: нас, как звёзд биатлона, пригласили на старт благотворительной акции. Было много трогательных и печальных моментов. Особенно запомнились слова Севы: «Когда сделают операцию, я буду заниматься биатлоном!» – пообещал он.

И я увидел, как тень прошла по лицам окружающих, как смутились люди: «Какая операция, Севушка?»

Возникла нехорошая пауза, и я хотел её скорее прервать, но в голову ничего не шло. Обидно стало за пацана.

Вернувшись мыслями на трассу, мне пришла счастливая идея: я представил, как Сева берётся за палки, как неумело отталкивается и делает первые неуклюжие шаги... «Давай, Сева! У тебя получится!»

Как он радуется этим первым шагам! И сколько решимости читалось в его взгляде – доказать всем, что он не хуже других. И я горячо захотел помочь ему в этом! Вперёд, Сева!

Чуть позже идея трансформировалась: Сева идёт по лыжне вместо меня, а я – лишь его внутренний голос. Мысленно я стал комментировать свои действия: «Вот так, – делился я с ним своим опытом, – толчок – выдох, толчок – выдох!»

С каждым шагом мои силы росли. Словно мешал мне до этого момента какой-то тромб, а теперь его пробило – накопившаяся во мне энергия стала высвобождаться и бурным потоком хлынула по сосудам.

Я со смехом подумал про себя: «А не вселился ли в меня Сева? Откуда вдруг столько прыти!»

Отождествляя себя с Севой, я чувствовал себя ребёнком, которому не терпелось рассказать секрет. И я расскажу его – только пересеку финишную линию первым!

Мне снова становилось азартно от того, что можно сделать больше шагов, чем их сделал мой соперник. Так хотелось отдать Севе свои силы для того, чтобы он победил, почувствовал радость и удовлетворение от большой проделанной работы.

О, как это приятно, когда понимаешь, что открылось второе дыхание!

«Вперёд! Ты сможешь!»

А впереди начался долгий и крутой подъём. Бьёрн Норман «по-собачьи»⁵ преодолел приличный отрезок и вот-вот скроется за вершиной.

«В погоню!»

«Давай, пацан! Покажи всем! Представь, что победить – это единственный шанс выжить!»

Босс⁶ и Дима Ларионов стали подстёгивать меня на вершине подъёма. Мне было не понятно, что они там кричат – просто не слышал. Но, судя по их куражу, мимике – наметился перелом. Да я и сам чувствовал это. И зрители, вдохновлённые моим спуртом⁷, неистовствовали.

От «ямы»⁸ не осталось и следа!

И вот, я начинаю «накатывать»⁹ – Бьёрн передо мной в нескольких метрах, оглядывается. Надеется на финишный рывок – на то, что меня хватило догнать, но не хватит перегнать.

Вместе мы спустились к стадиону – отдохали перед решающим боем. Лыжи обтекали каждую кочку и каждый провал на лыжне, добавляя картинке динамичности.

«Сейчас все в напряжённом ожидании. У многих побелели пальцы – так сильно они сжимаются у болельщиков. Кто же, кто же придёт первым?! Норман или Бородин?!» – звучал голос комментатора по всей стране.

Бьёрн не стал притормаживать, играть в кошки-мышки – шёл своим темпом. Я за ним. Главное, не проспать рывок соперника.

«Давай, Сева! Ты сможешь!» – я уже реально смотрел на всё происходящее словно со стороны, как и миллионы телезрителей: вот повзрослевший Сева едет за норвежцем, переставляет лыжи, вписываясь в вираж; огромная энергия затаилась в мышцах обоих спортсменов. Сейчас самое главное – вовремя отпустить эту энергию.

На поворотах Бьёрн не пускал на внутренний радиус – значит, при выходе на финишную прямую пара шагов у него будет в запасе.

«Не допускай никаких „плавающих“ мыслей! Контролируй себя, сконцентрируйся!» – мысленно обращался я к Севе.

Финишная прямая. Стало физически больно сдерживать себя. Но вот Бьёрн стал ускоряться, и я «вваливаю»¹⁰ вслед за ним. Это момент, когда глаза боятся – руки делают. Только бы не сбиться во время этого автопилота!

Сева сжал кулаки – боится даже допустить мысль о проигрыше кумира! Переживает всю трудность шагов на лыжне. Но вот он замечает нечто такое, от чего радость моментально заполняет его душу. Улыбка озаряет его лицо:

– Давай! Давай же!

Как только палки выдерживают такую нагрузку?! Как только психика преодолевает это полубоморочное состояние! Кажется, что лыжи почти не касаются земли, а мысли не успевают за телом.

Финишная линия позади. Стадион взорвался овациями. Напряжение, что сковывало меня – ушло, и вместо того, чтобы безвольно валяться на земле и ждать, пока дыхание успокоится, я радовался стоя – оказывается, во мне ещё много энергии!

«Я хочу, чтобы тобой восхищались, Сева! Это твоя победа!»

⁵ Коньковый ход на подъёме.

⁶ Тренер.

⁷ Рывок.

⁸ Физическая слабость от перегрузок.

⁹ Догнать соперника.

¹⁰ Быстро ехать.

Оператор близко подвёл ко мне камеру, и я подмигнул Севе. Уверен – Сева подмигнул и мне.

Одержимый

Глава первая XXI век

И напоследок новости культуры.

Настоящая сенсация приостановила работы по укреплению фундамента Собора. У самых его стен были вскрыты тайники, внутри которых обнаружили целые переплёты средневековых витражей.

Как заявили нам в городском департаменте по реставрациям, очищена и исследована лишь малая их часть. Вот что заявил нам глава департамента:

– Мсье Лакруа, вы уверены, что найденные витражи предназначались для Западной розы¹¹ Собора?

– Да. Судя по размерам – так оно и есть.

– Что изображено на витраже, мсье Лакруа?

– Если смотреть на раскладку – библейские мотивы. Но рисунок на самих стёклах – это клубы дыма, застывшие в стекле навсегда, – после недолгого размышления ответил интервьюемый.

– Это свидетельство пожара в храме?

– Нет. Это просто трёхмерный рисунок в стекле.

– Трёхмерный рисунок?!

– Да. Это необычная находка. Даже современные стеклодувы не в состоянии объяснить, каким образом средневековые мастера сумели создать такой эффект!

– Уже известно, к какому времени относятся витражи?

– Рано об этом говорить. У нас столько же вопросов, сколько и у вас. Пока нам известно лишь имя мастера – Фабрис Рене...

Сидя в удобном кресле и переключая каналы в поисках чего-нибудь интересного, натыкаешься на такие вот информационные обрывки. Каждый день в мире случается что-нибудь занимательное, но мы настолько привыкли к этому в наше насыщенное информацией время, что перестали удивляться; перестали задавать себе вопросы по поводу увиденного. Просто глотаем, глотаем и глотаем без разбора. Никакой игры фантазии.

Мы как туристы на этом информационном поле: привезли, что-то рассказали, дали время сфотографировать и повели дальше. А времени, чтобы дополнить реальность, придумать образы и вжиться в них – нет. Нет сопереживания и нет разницы: менгиры¹² ли это, или развалины древнегреческих полисов, или средневековые замки – одни камни...

¹¹ Переплёт круглого окна, напоминающий лепестки цветка.

¹² Как правило, продолговатые камни или группа камней, рядом с которыми проходили религиозные обряды людей древности.

Глава вторая

XIII век

– Итак, любезные мастера, братья. Прежде чем мы приступим к частным вопросам, нам нужно кое-что важное обсудить, – усмехнувшись, сказал Жером Акви – цеховой старшина¹³.

Он обвёл взглядом мастеров, присяжных, убедился, что все внимают ему и продолжил:

– Позавчера я был в Шатле¹⁴; имел честь посетить городского прево¹⁵. Он мне поведал о том, что Его Величество изъявил желание подарить Собору большой витраж. Вот так-то.

– Хм... это замечательно! – покивал головой мастер Амори Руше.

И больше ни слова. Но все остальные мысленно продолжили его предложение: «Я давно хотел заняться чем-то стоящим».

Мастер Камю лишь коротко глянул в его сторону, а мастер Рене, наверно, хотел испепелить Амори взглядом.

Акви покачал головой: «Да уж, высокие отношения в нашем братстве, ничего не скажешь».

– Конечно замечательно, – качнул головой прюдом. – Если бы не ваши склоки.

Он поочерёдно посмотрел на Амори и Фабриса. Жерому хотелось подразнить мастеров:

– Можно заставить вас работать вместе – попробуйте только отказаться. Да и вряд ли среди вас найдётся дурак, который откажется от такой чести! Даже синьоры Флебо и Клюи, на землях которых находятся ваши мастерские, не отделяют этот престиж от своего собственного. Ну ладно, это не вашего ума дело, – не преминул поважничать прюдом.

«Я понимаю, Жером, что тебе не хочется кого-либо выделять из мастеров – сохранить со всеми хорошие отношения. Но в этом деле есть и другие заинтересованные лица, и мне тоже не хочется им перечить. Их интерес мне не понятен; может быть, это пари? Я не знаю...» – Жерому вспомнились слова городского прево.

Так что ни о каком объединении не может быть и речи. Да и сам прюдом не верил в эту затею; хорошо, что многоумный сир¹⁶ Деши нашёл выход из положения.

– Интересно, уважаемый Жером, как это ты себе представляешь? – спросил Амори, словно читая мысли старшины.

– А что тут такого? Мог бы получиться великолепный витраж – ведь каждый из вас замечателен по-своему, – ещё раз поиграл на нервах мастеров Акви.

«Никак не представляю. Из-за ваших склок эта идея мертва», – мысленно ответил на вопрос Акви.

Да и без этого проблем много. Например, две мастерские находятся у города, а одна – в предместье. При всём уважении к Модесту Камю Жерому всё же было интересно объединить усилия Амори и Фабриса.

«Если бы они смогли объединиться в творческом порыве!» – мечтал Жером.

А так, очевидно, что эта работа за Амори Руше. По статуту, конечно, все в равных условиях: и людей, и мощностей у мастеров одинаковое количество. Но в каждой работе есть множество нюансов – и на каждый правил не напишешь; тем более в таком творческом деле, как создание стекла.

Создавшаяся ситуация вполне устраивала старшину цеха – будет дан шанс Фабрису, отца которого Акви знал лично. Остальным тоже не помешает встрепенуться.

¹³ Прюдом – лицо охраняющее цех от имени короля.

¹⁴ Шатле – управление городской юстиции, резиденция прево.

¹⁵ Глава управления городской юстиции.

¹⁶ Обращение к вышестоящему на иерархической лестнице.

«А то уж заранее отдали победу Руше!» – почему-то не нравилась Акви эта очевидность выбора.

Старшина Жером окинул взглядом окружающих его людей:

– В скором времени нужно будет приступить к этой великой работе. А пока городской прево постановил временно отменить действие пунктов Статута¹⁷, ограничивающие приёмы работы, а также снял запрет на «жёлтые» часы¹⁸; пусть мастера проявят свои умения во всей красе.

Все недоумённо смотрели друг на друга. Прюдом же еле сдерживал улыбку – его потешала реакция мастеров.

– Наш уважаемый прево – сир Деши – надеется, что за оставшееся время каждый из вас сможет создать нечто новое.

Согласитесь, строящийся Собор, храм Божий, настолько прекрасен и необычен, что хочется одарить его не менее прекрасным творением.

Глава цеха поднял кверху указательный палец:

– При этом никто не ставит под сомнение мастерство здесь присутствующих. Хочется увидеть готовность поставить наше искусство ещё выше.

– Работать над витражами Собора – это большая честь для каждого из нас, Жером; мы сами это всё прекрасно понимаем. Но чья мастерская всё-таки будет работать над ними? – уточнил Фабрис, заметив в глазах старшины лукавство.

– Это мы и выясним через четыре месяца. После того, как вы сконцентрируете всё своё творческое начало и предъявите шедевры¹⁹. Время ещё есть, мастера. Не тратьте его впустую.

¹⁷ Свод правил, по которому живут объединения ремесленников. В средневековой Франции такие объединения назывались мастерствами.

¹⁸ Работа после захода солнца, при свете свечей.

¹⁹ Экзаменационный продукт, который должен изготовить ремесленник, чтобы получить звание мастера.

Глава третья

Аполлинер

Неизвестно, сколько по времени длилась дрёма Фабриса; как только мастер осознал себя погружённым в её толщу, он постарался поскорее вынырнуть. Сделать это ему помогло не только чувство ответственности, но и беспокойство, сопровождающее его с момента начала турнира.

Мастер приподнялся на локте; глаза стали привыкать к тусклому освещению: «Надо было сесть на табурет, чтобы не уснуть...»

Фабрис перевёл взгляд на тумбу, где стояли большие песочные часы. Одного их поворота хватало на полчаса. Сейчас песок не сыпался, поэтому о времени можно только догадываться. Прислушался – печь гудела не так, как надо, и стеклодув вскочил со скамьи как ошпаренный.

«Повезло, что не проспал дольше», – подумал мастер, подбросив поленьев.

В этот момент за спиной послышался шум.

– Что, Оберон, сам проснулся? А я вот умудрился поклевать носом, – сказал Фабрис.

– Оберона нет, – ответил неизвестный голос. – Я отправил его восвояси.

Фабрис почувствовал, что по спине прошли мурашки, и тревога его усилилась – как если бы заработали меха, и от этого по углям заплясали языки пламени.

Голос прозвучал уверенно, повелительно – Фабрис сразу почувствовал – у этого человека больше в привычке отдавать указания, нежели получать.

Оцепеневший Фабрис обернулся, стал присматриваться к гостю. Неизвестный приближался, постепенно выходя на более освещённое пространство. Пока что был виден силуэт: на госте угадывался плащ и берет.

– Что вы делаете тут в такой поздний час? – спросил мастер и осёкся от собственной неучтивости. – Извините, господин. Я забыл представиться – мастер Фабрис Рене.

Вопрос естественный. Мастеру, конечно, приходилось видеть в своём скромном жилище важных особ – то, что неизвестный к ним относится, у него не вызывало сомнений. Обычно их приводит сюда любопытство – всякому хочется взглянуть на чудесные превращения стекла. Но не в такой же поздний час!

Неизвестный прошествовал к столу, изучая то, что на нём находится. Теперь стало видно его лицо. Обычное лицо, только рябое, испорченное то ли болезнью, то ли ожогом. Фабрис нашёл, что рябь его несколько не портит; ему даже показалось, что эти изъяны под определённым углом зрения складываются в узоры.

– Зачем ты звал меня? – последовал неожиданный вопрос.

В это мгновение Фабрис почувствовал, что какой-то невидимый барьер между ними исчез. словно треснула скорлупа, и его воля, как содержимое яйца, стала тягуче растекаться.

То есть это он, Фабрис, оказывается, звал этого господина и тот явился?

«Я не звал», – подумал про себя мастер, но вслух не сказал – неизвестно, как отреагирует на эти слова гость. Сначала надо выяснить, зачем пожаловал этот сир.

С приложением усилия воли Фабрис смог оторваться от гипнотического взгляда.

– Можешь звать меня Аполлинер.

Тон, повадки Аполлинера были таковы, что Фабрис засомневался – был ли обращён предыдущий вопрос именно к нему – может, то была лишь мысль вслух?

Прогнав наваждение, мастер Фабрис ещё раз представился, поклонился.

– Зачем же вы прибыли сюда, господин Аполлинер? Вы хотите сделать срочный заказ?

Гость ухмыльнулся. Фабрис ещё раз оглядел его. Ему нравилось, с каким достоинством тот держался: прямая осанка, чёткие движения. Было ощущение, что господин Аполлинер не раз тут был и поэтому хорошо ориентировался в мастерской.

Фабрис в уме строил фразы, как можно предупредить сего господина, что придётся с заказом повременить либо обратиться к другому мастеру; но все эти словесные конструкции рухнули в один момент.

Незнакомец прошёл между козлами и остановился у печи:

– Ты ведь хочешь, чтобы твои витражи красовались на Соборе? Желает ли славы Го... городу?

– Да, господин Аполлинер, – поклонился Фабрис. – Для меня и моих помощников это большая честь. И чтобы покрыть славой наш город, господина Флебо и Его Величество короля, я постараюсь привнести в наше дело что-то новое. Я давно работаю над одним свойством стекла...

– Получается? – прервал это сумбурное повествование Аполлинер.

– Ничего не выходит, – поник Фабрис. – То стекло получается слишком хрупким, то слишком много брака, то оно тусклое. Осталось всего полтора месяца...

«Кто же это такой?» – гадал про себя мастер, осматривая гостя.

Шёлковая беретта²⁰, украшенная мехом соболя, лоснящийся плащ неизвестной мастеру выделки. Под чёрным плащом заметны красные котта²¹ и шоссы²². Алого цвета была и обувь гостя – ничуть не запачканная.

– Полтора месяца? – переспросил Аполлинер, скаля зубы. – Я знаю случаи, когда люди тратили всю свою жизнь, чтобы добиться успеха в своём деле; все их труды шли прахом.

Незнакомец оценивающе посмотрел на мастера, думая о своём и снисходительно качая головой.

– Времени создать шедевр остаётся мало.

– Да, – покачал головой мастер, чувствуя на себе взгляд. – Мы – мастера, спрашиваем с подмастерьев шедевры, теперь пришло время спросить с самих себя.

Аполлинер смутил своим пристальным взглядом мастера:

– И ты справишься?

«Уж не посланник ли это самого короля?» – затрепетал Фабрис.

– Приложим все усилия, господин Аполлинер.

– Да, – погрузился в свои думы собеседник мастера. – Да, да.

«Как понять эти его „да, да, да“? Сомнения? Или, наоборот, уверенность? А может быть, Аполлинер может читать мысли?»

– Город укрепляет своё влияние. Было бы неплохо подчеркнуть его притязания роскошным творением. Каждая деталь Собора должна говорить об этом.

Дальше голос Аполлинера утратил металлический отзвук:

– Свет хрии... – тут Аполлинер достал платок и высморкался. – Свет христианства должен проникнуть до самых окраин, в самые глубины тёмных душ.

– Мы рады участвовать в этом начинании, господин Аполлинер, – мастер ещё раз поклонился.

– Когда вы приступили к работе?

– Два месяца назад, господин Аполлинер. Потихоньку доделываем и старое, – зачем-то добавил Фабрис. Будто это как-то может оправдать безрезультатность поисков.

– И ты тратишь драгоценное время на всякую мелочёвку?!

Аполлинер сокрушённо покачал головой и с лёгкостью перевернул часы. Песок тоненькой струйкой посыпался вниз.

«Замечательный песок», – некстати отвлёкся мастер.

²⁰ Головной убор, берет.

²¹ Свободная удлинённая рубаха из льна или шерсти.

²² Узкие чулки из льна или шерсти.

В руках гостя появилась головка чеснока. Шелуху Аполлинер, не задумываясь, бросил в рядом стоящие сосуды – «мелочёвка».

– Ты без боя отдал Руше Западную розу?

Фабрис вздрогнул.

«Надо же. Этот господин знает и такие подробности?!»

– К сожалению, тягаться с ним мы не можем по ряду причин. Я был очень удивлён, когда старшина цеха Акви не сразу отдал эту работу ему, господин Аполлинер. Это шанс...

Однако я думаю, что, в конце концов, цех выберет Амори...

Вот если бы...

Мастер ненароком встретился взглядом с Аполлинером.

– Ну? Что, язык прикусил?

Фабрис, бывает так, в задумчивости проговаривает мысли вслух.

– Вот если бы создать новый цвет...

– Не создаётся?

– Нет, господин Аполлинер, – ответил мастер и, не желая вдаваться в подробности, закончил кратко: – Видимо, нет таланта...

– Но-но... Уныние – это грех, – саркастически подбодрил Аполлинер Фабриса и закинул себе в рот зубчик чеснока. – Я могу помочь тебе.

Чесночный запах донёсся до стекольного умельца.

На эту фразу душа мастера откликнулась сразу, судя по скорости ответа.

– Каким образом, господин Аполлинер?!

– Пока сам не знаю, – остудил пыл стеклодува гость. – Пока сам не знаю... каков будет эффект.

– От чего эффект? – спросил Фабрис, забыв назвать собеседника.

«То есть уже существует нечто, только с неизвестным эффектом!»

– Господин Аполлинер, вы – алхимик? – спросил мастер, томясь паузой в разговоре.

– Догадываешься, сколько времени и усилий мне стоил этот секрет...

Мастер застыл на месте, не в силах произнести и слова.

«Я угадал?! Возможно, рябь на лице – результат алхимических опытов?»

– Поэтому моя услуга будет не бесплатной... Ты ведь тоже делаешь свои витражи и вазы не за «просто так».

Ох. От аполлинеровской манеры изъясняться Фабриса бросало то в жар, то в холод.

В ответ мастер безвольно развёл руками:

– Господин Аполлинер, мои средства подходят к концу, и вряд ли они вас заинтересуют.

Но вы можете обратиться с этим предложением к господину Флебо...

– Нет, – отрезал Аполлинер. – Обойдёмся без Флебо.

Фабрис смущённо умолк: «Ещё не известно, кто к кому должен обращаться».

– От тебя потребуется всего лишь маленькое усилие. Ты мне отдашь Барбару.

Барбара – это дочь покойного теперь кузнеца Валентина. Его кузня располагалась неподалёку; они с Фабрисом были близко знакомы, часто виделись.

Чума оставила и Фабриса, и Барбару одних. У Фабриса она забрала сына и жену; у Барбары – отца. Наступили тяжёлые времена.

Девушка и до этого была странной, а после – и подавно. Замкнутая, неряшливая; к тому же больная падучей²³.

Как она испугалась однажды за свою судьбу, когда по пути в лавку почувствовала, что белеет небо над головой и земля начинает качаться под ногами. Ей нужно скорее лечь на землю,

²³ Эпилепсия.

что она и делает – прямо посреди пыльной улочки. Сейчас люди увидят её конвульсии, испугаются и закидают девушку камнями.

Придя после припадка в себя, Барбара увидела вокруг толпу зевак. В глазах людей читались смешанные чувства – девушка не понимала, что ей может сулить такая обстановка. Но никто не выказывал к ней враждебности – уже хорошо.

«Высокая болезнь», – шептались в толпе. Как не вязались эти слова с жалким видом Барбары. Испуганно озираясь по сторонам, девушка привстала и утёрла слюни рукавом. Никто не подошёл к ней, не помог подняться – она чувствовала себя отделённой от остальных невидимой стеной.

По пути домой Барбара через молитву просила заступничества у святой Бибианы²⁴, опасаясь, что невидимое укрытие пропадёт. Ведь за ней по пятам, как маленькие волчата, снедаемые любопытством, шли хулиганистые мальчишки. Что взбредёт им в головы? Слава Богу – обошлось...

Чего только ни придумывала про бедную девушку народная молва.

Так и жила, кормясь огородом и собирательством: лес рядом. Помогало девушке и цеховое братство, и соседние мастерские.

Видимо, находится одной в пустом доме девушке стало в тягость. До такой степени, что Барбара прекратила жизнь затворницы и, будто компенсируя предыдущие годы, стала странствовать где ни попадя. Никто не знал, куда она уходила и когда возвратится домой.

Лишь Фабрис и его работники более-менее оказались посвящены в её жизнь. Когда Барбара возвращалась домой, то, бывало, заживала в мастерскую – понаблюдать за работой стеклодувов. Тут-то она и рассказывала про свои хождения.

Со временем, приметив порядок действий, стала помогать мастеровым; более того – ей доверяли раскладывать стёкла по тонам – у неё это хорошо получается.

Когда Барбара осталась одна, её душу спасал только лес: она плакалась ему, как живому существу; вспоминала, как они с отцом ходили по этим тропам и собирали ягоды, грибы, корни. Так погружалась в это занятие, что казалось – отец где-то рядом, что это от его прикосновений качаются ветки, а не от ветра...

Так же и с мастерской Фабриса – можно напомнить себе о тех временах, когда она с отцом приходила в гости. Тут ей очень нравилось. И однажды поймала себя на мысли, что в душе растёт какое-то чудесное ощущение. Сначала она думала, что влюблена ни в кого-то конкретно, а в самую атмосферу, в которой можно предаться ностальгии; влюблена в то, как люди объединены общим делом. А потом поняла, что полюбила Фабриса, который, кажется, ей в отцы годится, хотя разница в возрасте десять лет.

Со временем поняли это и все остальные.

Это было что-то новое в коллективе; шутки, намёки, ожидающие реакции взгляды: ох, как эта ситуация подстегнула юмористическое творчество работяг – скучно ведь, изо дня в день – одно и то же. А тут такая неординарная ситуация.

Фабриса это совсем не радовало. Везде ему стали мерещиться насмешки; он невольно обращал внимание на двусмысленные фразы; нет-нет да и замечал лукавые искорки в глазах работников.

С юмором бы отнестись, подыграть где...

Но нет. Фабриса очень нервировала эта глупая ситуация: и то, что дурочка додумалась о любви к нему, и то, что коллеги, оказывается, относятся к нему с куда меньшим пиететом.

Конечно, и раньше мастер не питал никаких иллюзий насчет отношения к себе работников, но теперь это стало очевидным, напоказ. Впрочем, как и его чванство.

²⁴ Покровительница эпилепсии.

– Барбару? – удивился мастер – Как же её вам отдам, господин Аполлинер?! Она же не принадлежит мне; временами заходит в гости и помогает.

– На этот счёт ты ошибаешься. Она привязана к тебе любовью...

От этих слов мастер и смутился, и изумился одновременно.

«Надо же, кто уже знает об этой глупой истории!»

– Откуда вам известно об этом?!

– Я – алхимик, – блеснул глазами Аполлинер и самодовольно улыбнулся.

Как хорошо всё получается, когда внимаешь собеседнику, слушаешь его. И тогда он сам расскажет о своих чаяниях. Потакая, подыгрывая ему, можно легко заслужить его доверие.

– Это она ко мне привязана, но не я к ней.

– Я об этом и толкую – ма-а-ленькое усилие.

– Не понимаю, – покачал головой Фабрис.

Гость снова пристально посмотрел в глаза мастеру, будто желая удостовериться – действительно ли не понимает? Фабрис же ни с того ни с сего испытал новую волну страха.

Наконец, Аполлинер перестал буровить взглядом и промолвил:

– Приведи её к Чёрному омуту.

– К Чёрному омуту?! – с ужасом воскликнул мастер.

Это проклятое место все местные стараются обходить стороной. Каких только жутких историй ни выдумали людские суеверия про эту местность. То про призрака утопленницы, стоящей на высоком берегу; то судачат про красный свет, исходящий из глубин омута; то про животных, ни с того ни с сего кидających с высокого обрыва – стоит только посмотреть на чёрную воду.

– Зачем?!

– Ты обещаешь держать язык за зубами?! Напомню, этот секрет достался мне нелегко...

От этой обязанности Фабрис почувствовал, будто на него взвалили тяжесть – ноги сделались ватными.

Аполлинер же и не собирался дожидаться, пока мастер вымолвит обещание:

– Мне нужна квинтэссенция любви и страха.

– Что это такое?! – Фабрис даже не пытался выговорить это слово.

«Какое-то понятие алхимиков», – догадался мастер.

– Ты же смешиваешь песок, соду... чтобы получить стекло.

– Я смешиваю то, что можно потрогать, господин Аполлинер. Но как можно смешать любовь и страх?!

– Кровь, – усмехнулся Аполлинер.

Фабриса только сейчас осенило: что его смущало в облике гостя – кровь. Кровь на зубах – будто у него проблемы с дёснами.

«Возможно, что и так», – мастер увидел, как Аполлинер вытащил очередную дольку чеснока и закинул себе в рот.

– Нет, – невольно отшатнулся от Аполлинера Фабрис. На мгновение ему показалось, что тьма в комнате стала багровой.

– Ну нет, так нет, – кинул Аполлинер и быстрым шагом, как показалось Фабрису, с негодованием покинул мастерскую.

Всё произошло так стремительно, что за точкой потянулся шлейф, превращая этот знак препинания в многоточие...

Глава четвёртая Работа души

И действительно, заронённое Аполлинером любопытство разгоралось в душе мастера. Соблазн был очень велик. Завладей он секретом Аполлинера, Фабрис решил бы множество проблем: и финансовое положение поправил, и общественный статус.

Красивым витражом Фабрис прославил бы не только город, но и род свой. Чем чёрт не шутит – может быть, и сам Его Величество король захотел бы видеть в своих покоях работы мастерской Фабриса Рене!

«А как бы вытянулись от удивления лица мастеровых Руше и самого Амори!»

Подобные представления бальзамом ложились на душу Фабриса.

«Вот бы порадовался на небесах папаша Джозеф моим успехам!» – мастер даже про отца не забыл упомянуть в своих мечтаниях.

Зло поминая друг о друге, отцы Фабриса и Амори передали эту обоюдную ненависть и своим детям. Оба замалчивали причину такой вражды, но, возможно, её истоки следует искать в тех временах, когда Джозеф работал подмастерьем у Люсьена Амори.

Потянулись будни. Ощущение упущенной возможности преследовало мастера Фабриса; являлось дополнительным элементом, выбивающим из колеи: «Я даже не удосужился узнать, в чём, собственно, состоит дело», – терзался Фабрис.

Аполлинер сказал про кровь, но это не означает убийство, как сразу подумал Фабрис; возможно, алхимик имел в виду кровопускание.

От того, как опрометчиво он отказался от этой неожиданной помощи, у Фабриса холодело внутри.

Через какое-то время мастер успокаивался, сумев взглянуть на ситуацию с позиции совести: «Как хорошо, что Аполлинер исчез; никакая сделка не достойна даже капли крови Барбары».

Но проходило время, настроение Фабриса опять менялось, и вместе с ним менялись и мысли – ситуация выглядела уже не так однозначно.

Глава пятая

Обед

Почти вплотную подошла тёмная вода к бревнам мостка. Кружится в водоворотах у свай прошлогодняя осока, падалица. В широком зеркале реки отражается голубое весеннее небо – твоя душа снова становится восприимчивой к этому бездонному океану. Как лёд становится прозрачным от тепла, так и окружающий воздух, нагреваемый первыми тёплыми лучами, наполняется весенней динамикой.

На противоположном берегу просыпается лес: издали можно заметить птиц, перепархивающих с ветки на ветку, или косулю, пугливо всматривающуюся вдаль. Несколько уток приводняются в бежевых зарослях.

Захрустел под ногами валежник; когда начинаешь подниматься по склону, то постепенно из-за пригорка вырастает каменное здание стеклодувной мастерской. Густой дым, вырывающийся из труб, постепенно рассеивается и, как сквозь сито, проходит меж стволов деревьев лесной опушки.

Путь наверх, по дну балки, сопровождается весёлым журчанием ручья.

В поле зрения оказалась вся фактория – прямоугольное каменное здание с черепичной крышей. Над широкими воротами стоял навес из дранки, под ним – столы. Двор ограничен сараями, столярной мастерской, дровниками и хранилищами.

По другую сторону оврага, за зарослями орешника виднелось небольшое поселение. Там и жили со своими семьями стеклодувы. Но не только они – разный люд тяготеет к лесу: лесничий, сборщики, угольщики, лесорубы. Ближе к реке стоял дом, где проживает сейчас Барбара.

Были тут и жилища крестьян-цензитариев²⁵, потому что дальше, за поселением, простирались пашни, со всех сторон окружающие Город. В центре его возвышался тот самый Собор; в хорошую погоду можно даже рассмотреть строительные леса, облупившие высокие стены.

Двустворчатые ворота распахнулись, и работники стали выходить из мастерской во двор. Кажется им, что окружающая действительность потеряла в красках – люди приходили в себя от испытанного контраста в освещении.

Подмастерья и помощники по очереди мыли руки, обмокнув их в золе; стали сходиться под навесом – там суетились их жёны и дочери, выкладывая на стол снедь и питьё: после многочасовой работы нужно подкрепиться.

– О! Лепёшки с чесноком! – воскликнул Лоуп, усаживаясь за стол.

– Да, такие делала моя Аими, – с грустью сказал его сосед.

– Это она меня и научила, Оберон, – Вева пододвинула к вдовцу тарелку с рыбной похлёбкой.

Девушки встали за спинами мужчин и следили, чтобы у каждого была на тарелках еда. Посуда, естественно, сделанная своими руками. Все знали, что жёлтая рельефная тарелка принадлежит Эмилю, а синий стакан с рыбой – это стакан Жуля. Кто во что горазд...

– Эй, Блез. Сегодня должны привезти песок из верховьев; пусть Бенезет ожидает, – обратился Фабрис к одному из подмастерьев.

– Хорошо, – откликнулся Блез. – Слышал, сын?

Бенезет кивнул отцу и отломил себе кусок лепёшки.

Фабрис мельком взглянул на мрачного Эмиля.

– Что, Эмиль, плохи наши дела?

– Да уж, – сокрушённо ответил тот. – Ничего не получается.

²⁵ Крестьяне, оплачивающие использование земли.

- Всё не так просто.
- Я не говорил, что будет просто, – пожал плечами подмастерье. – Одно дело – работать спокойно на протяжении нескольких лет, а другое – пытаться создать что-то второпях.
- Учти. Нам дали время не для создания чего-то нового, а чтобы создать шедевр – как умеем.
- А смысл? Я думаю, что Амори рисковал; может быть, у него есть какая-то находка.
- Если есть, то цех давно бы знал об этом – таков кутюм²⁶. И зачем ему скрывать своё новшество? Наоборот – ему лучше явить его заблаговременно. Тогда и конкурс не нужен был.

²⁶ Обычай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.